

Это был редкий и смертельный яд, который незаметно ослаблял человека день за днем, лишая его всех чувств, пока он не становился полностью беспомощным. Когда яд проникал глубоко во внутренние органы, человек начинал быстро стареть, в одночасье превращаясь из молодого в седого. Примерно через год или два наступала смерть.

На самом деле этот яд, связанный с клятвой крови, имел романтическую легенду. Говорили, что одна несчастная пара из Мяоцзяна, чтобы доказать свою преданность, взяла кровь из своих сердец, создала яд и накормила им друг друга. В день Циси они вместе отправились в загробный мир, чтобы их души могли быть вместе, губы и зубы неразлучны.

Если мирская суета не могла вместить их страстную любовь, то пусть их души освободятся от оков плоти и отправятся в мир духов, чтобы быть вместе, как счастливые влюбленные, не завидуя бессмертным, и никогда не расставаться.

Цзюнь Улэй широко раскрыл глаза:

— Что ты сказал?! Ты... зачем ты это сделал?

Чжу Шоу смотрел ему прямо в глаза, его голос был тихим, но наполненным силой:

— Зачем? Потому что однажды ты убьешь Мин Юя, и я не могу позволить этому случиться.

— Если ты останешься рядом с Мин Юем, ты его уничтожишь. Я много раз предупреждал тебя, не пытайся соблазнить его, будь ты тем безрассудным и импульсивным человеком из прошлого или этим глупым и навязчивым человеком после потери памяти. Ты всегда игнорировал мои слова!

Прошло немало времени, прежде чем Цзюнь Улэй смог прийти в себя и прошептать:

— ...Ты действительно так меня ненавидишь?

Волосы, мокрые от пота, свисали на половину лица, делая выражение Чжу Шоу несколько зловещим.

— Я не жалею о том, что отравил тебя. Мне все равно, что будет со мной, но я не позволю, чтобы пророчество сбылось. Ты не можешь быть с ним, он умрет из-за тебя, это его судьба. Цзюнь Улэй, ты — его величайшее проклятие!

Цзюнь Улэй открыл рот, но слова застряли в горле, и он долго не мог произнести ни звука. Наконец, он нашел свой голос:

— Значит, Мин Юй хочет убить тебя... из-за меня?

Чжу Шоу усмехнулся, его лицо покрылось холодным выражением:

— Только моя смерть может снять с тебя яд. Это единственный способ избавиться от

«Мимолётного цветения», и Мин Юй это знает. Теперь, когда ты узнал правду, разве ты не должен вернуться и заставить Мин Юя немедленно казнить меня?

Цзюнь Улэй замолчал. Этот человек, которого он всегда уважал как старшего брата, все эти годы терпел его капризы и бескорыстно поддерживал его на пути. Чжу Шоу был первым другом, которого он встретил в Царстве демонов, и единственным, кто искренне относился к нему как к брату.

Они вместе смеялись, ссорились и дурачились, но были самыми верными товарищами и братьями! Они могли сидеть на крыше, пить вино и напиваться до потери сознания, а на поле боя могли доверить друг другу свои спины. Он не мог поверить, что все это было ложью, ведь тепло в его груди говорило ему, что все эти дни и ночи искренней дружбы не могли быть фальшивыми!

Наконец, он глубоко вздохнул, успокоив свои эмоции, и, глядя прямо в глаза Чжу Шоу, медленно и четко произнес:

— Нет, ты мой брат, и что бы ты ни сделал, я не причиню тебе вреда. Может быть, тебя не волнуют прошлые узы, но они важны для меня. Я найду способ вытащить тебя отсюда.

— ...Если сегодня ты не убьешь меня, ты пожалеешь об этом, — Чжу Шоу поднял бледное лицо, уголки его губ изогнулись в насмешке.

— Мы, вероятно, больше не увидимся. Будь осторожен в будущем.

Сказав это, Цзюнь Улэй встал, в последний раз глубоко посмотрел на человека на полу и вышел из тюрьмы, не оглядываясь.

В эту ночь Мин Юй вернулся при свете звезд и луны, умылся, переоделся и открыл дверь в свою комнату. Подняв глаза, он увидел молодого человека, сидящего за восьмиугольным столом.

— Уже так поздно, а ты еще не спишь? — он слегка удивился, подошел и сел рядом с Цзюнь Улэем.

При свете колеблющейся свечи Цзюнь Улэй увидел усталость на его лице. Видимо, он давно не отдыхал, под его прекрасными глазами были легкие тени. Цзюнь Улэй почувствовал боль в сердце:

— Ты давно не спал? Ты выглядишь очень уставшим.

Мин Юй не ответил, а лишь пристально смотрел на него некоторое время:

— Ты был в водяной тюрьме.

Это было не вопросом, а утверждением. Цзюнь Улэй и не думал скрывать, решив, что лучше все высказать:

— Да, я видел Чжу Шоу.

Мин Юй подпер голову рукой, его лицо оставалось бесстрастным, он ждал, пока Цзюнь Улэй закончит.

— Я все узнал. Я знаю, что ты делал для меня все это время, — Цзюнь Улэй взял его руку, висевшую у бока, и приблизился, тихо сказав. — Мин Юй, отпусти его. Я не хочу, чтобы ты убивал его.

Выслушав его, Мин Юй прищурился, его глаза стали темными, без тени улыбки:

— Ты понимаешь, что говоришь? Если он тебе все рассказал, ты должен знать, что будет, если его отпустить!

— Разве «Мимолётное цветение» — это не медленный яд? Он не сработает так быстро. Кроме того, мир велик, и, возможно, мы найдем другой способ нейтрализовать яд, не обязательно умирать, — Цзюнь Улэй улыбнулся, оставаясь спокойным.

Мин Юй долго молчал, так долго, что Цзюнь Улэй подумал, что он больше не будет говорить. Но вдруг он спросил:

— Почему ты не хочешь, чтобы я убил его?

— Он мой единственный друг, брат, с которым я делил кровь и жизнь на поле боя. Я не могу убить брата ради собственного спасения.

— Значит, ты предпочитаешь умереть сам? Ты, должно быть, сошел с ума, так просто это не закончится! Я не согласен, не стоит больше говорить! — Мин Юй рассердился, его голос стал резким, исчезла обычная мягкость.

Он резко встал, его взгляд стал холодным:

— С завтрашнего дня ты останешься в Чертоге Бай Сюй и хорошо подумаешь о своем поведении!

Мин Юй в гневе вышел, оставив Цзюнь Улэя в растерянности. Его спокойное выражение лица постепенно развалилось, он инстинктивно хотел позвать его, но слова застряли в горле. Глядя на исчезающую фигуру мужчины, он опустил глаза и глубоко вздохнул.

Долгая ночь, и она снова обещала быть бессонной.

В туманном состоянии он услышал шаги за дверью, как будто кто-то говорил, голоса

доносились то близко, то далеко, словно с другого берега. Цзюнь Улэй слышал их неясно.

— ...Все еще отказывается есть?

— Да, как и вчера, сегодня господин не притронулся к еде, лекарство несколько раз разогревали, но он не пьет.

Затем последовала короткая пауза, и кто-то ответил:

— Если он не пьет, разве ты не можешь заставить его?

— Когда я пытаюсь применить силу, господин сильно сопротивляется, вчера он даже порезал себе шею. Я больше не осмеливаюсь его принуждать.

— Мерзавец! Разве я не приказал убрать все, чем он может себя ранить? Как он смог пораниться?! — в голосе мужчины слышалась ярость.

— ...Это была чашка для воды. Господин разбил ее и спрятал осколки под подушкой, я не заметил. Прошу наказания.

Снова наступила короткая пауза.

— Уже шестой день, если господин все еще не пьет воду, его тело не выдержит...

— Я понял. Убери со стола и вынеси все, потом принеси крепкий отвар из женьшеня.

В комнате послышался легкий шум, вероятно, убирали посуду со стола. Вскоре шаги стали удаляться, и в комнате воцарилась тишина.

Цзюнь Улэй смутно почувствовал, что кто-то стоит у его кровати, долго молча, за тонкой занавеской наблюдая за ним. Через мгновение край кровати слегка прогнулся, и кто-то осторожно сел рядом. Теплая рука мягко коснулась повязки на его шее, движение было нежным, с легкой жалостью. Цзюнь Улэй с трудом открыл глаза, перед ним промелькнул размытый силуэт.

— Мин Юй...? — его губы дрогнули, но даже слабая улыбка не удалась. Тело было тяжелым, перед глазами все плыло. Он закрыл глаза, затем снова открыл их и наконец увидел человека.

Четкие черты лица Мин Юя были озарены глубокой тревогой, его взгляд был сложным и непонятным.